Иван Годинович

Сказал дедюшка племенницьку женитисе:
«Уж ты шчо долго, племянницёк, не женисьсе?»
Отьвет держи́т племянницёк дядюшки:
«Мне-ка стара взеть — дак на пеци лёжать,
Мне молода взеть, — да всё цюжа корысьть».
Не видали добра молодця сряжаюцись,
Ай не видели удалого поедуцись;
Только видели: да по цисту́ полю
Дым столбом стоит, да курева́ стаёт.
Приежжал он к полаты к белокамянной,
Заходил в полату белокамянну,
Уж он крес кладёт да по-писа́нному,
Он поклон ведёт да по-уцёному;
Он садилсэ на белу на брусову лавоцьку.
Говорит тут Митреян сын Митреяновиць:
«Ай не вор ли к нам пришёл, да не разбойник ли?
Ай не збеглый ли солдат да новобраныя?»
Воспроговорит удалой доброй молодець:
«Дай не вор я к вам пришёл да не разбойницёк,
Ай не зьбеглыя солдат да новобраныя,
А пришёл я к вам, удалой доброй молодець,
Ай о добром дели к вам, о сва́товсьви
На твоёй Настасьей Митреяновной».
Ай спроговорит Митреян сын Митреяновиць:
«Уж ты ґой еси, удалой доброй молодець!
У мня нет Настасьи Митреяновны:
У мня три года Настасьюшка просватана
За того ли за Идолишша проклятого
За проклятого да за поганого.
У мня сидит Настасья в новой гривници
Ай за три́деветь замков, тридéветь сторожов,
За тема ли за замоцькамы заморьцькима».
Ишше тут доброй молодець да из полаты вон.
Приломал он три́девять замков, тридéветь сторожов,
Уж он брал Настасью за белы́ руки,

Цёловал Настасью в сахарьни усты,
Выводил Настасью на широку светлу улицю,
Он садил Настасью на добра ко́ня́,
Отьежал с Настасьёй во цисто́ полё.
Оны ехали с утра да день до вецёра,
Как настигла их да ноцька тёмная.
Ай спроговорит Настасья Митреяновна:
«Уж ты ґой еси, удалый добрый молодец!
Тебе пора, пора да ко́ню здох давать,
Коню здох давать, шатёр роскинывать».
Тут скоры́м-ско́рым молоде́ць Настасью слушаёт.
Соходил тут молоде́ць з добра́ коня,
Насыпал коню пшеницы белояровой;
Розоставили бел шатёр поло́тняной,
Оны ложились во бел шатёр полотняной.
Как на ту пору́ да на то времецько
Наежало тут Идолишшо проклятоё,
Ай проклятоё само поганоё.
Он крыцял-зыцял да зысьним голосом,
Зысьним голосом да во всю голову,
Во всю силу-могуту́ до богатырьцькую:
«Уж ты ґой еси, Митреян сын Митреяновиць!
Ты отдай-ко мне да поединьшицю,
Поединьшицю, да красну девицю,
Ишше на́ имя Настасью Митреяновну.
Не отдашь ты мне, да я возьму тебя,
Я возьму тебя да стругом выстружу,
Я из рук, из ног да жи́льё вытяну».
Он крыцял-зыцял да во второй након,
Он крыцял-зыцял да во третье́й након:
«Уж ты ґой еси, Митреян сын Митреяновиць,
Ты отдай-ко мне да поединьшицю,
Поединьшицю, да красну девицю,
Ишше на имя Настасью Митреяновну.
Не отдашь ты мне, да я возьму тебя,
Я возьму тебя да стругом выстружу,
Я из рук, из ног жи́льё вытяну».
Выходил тут Митреян да на красно́ крыльцё,
Говорил тут Митреян да таковы слова:

«Уж ты ґой еси, Идóлишшо проклятоё,
Ты проклятоё, само поганоё!
У мня нет Настасьи Митреяновны:
А как был сёгодни удалой доброй молодець,
Приломал он три́деветь замков, тридéветь сторожов,
Он увёз Настасью Митреяновну».
Он тут подал Идолишшо да на добра́ коня,
Он поехал Идолишшо в цистó полё;
Он наехал на бел шатёр полотьняной,
Говорил он сам да таковы реци:
«Мне соннóго взеть — да бытто мёртвого;
Тут не ці́есь-хвала да молодецькая».
Закрыцял Идолишшо да зысьним голосом,
Зысьним голосом да во всю голову:
«Уж ты ґой еси, удалой доброй молодець!
Ты отдай-ка мне да поединьшицю,
Поединьшицю, да красну девицю.
Не отдашь ты мне, — да я возьму тебя,
Я возьму тебя да стругом выстружу,
Я из рук, из ног да жи́льё вытяну».
Ишше тут доброй молодець не слышал-то.
Он крыцял-зыцял да во второй након,
Он крыцял-зыцял да во третéй након:
«Уж ты ґой еси, удалой доброй молодець!
Ты отдай-ко мне да поединьшицю,
Поединьшицю, да красну девицю.
Не отдашь ты мне, — да я возьму тебя,
Я возьму тебя да стру́гом выстружу,
Я из рук, из ног да жи́льё вытяну».
Пробужалсэ доброй молодець да от крепка́го сну,
Ключевой свежой водой да умываитці́е,
Тонким белым полотеньцем утираитці́е,
Надеват сапожки на босу ногу,
Выходил он на светлую широкую на улицу.
Оне тут с Идолишшом схватилисе;
Оне дрались-боролись ровно три цяса;
Как збивалсэ доброй молодець к Идолишшу да на цёрны́ груди,
Он крыцял-зыцял да зысьным голосом,
Зысьним голосом да во всю голову:

«Уж ты ґой еси, Настасья Митреяновна!
Ты подай-кось, ты Настасья, мне булатной нож;
Уж мы сколём у Идолишша черны́ груди,
Уж мы вынём у Идолишша да серьцё с пеце́ньею».
Ишше тут Настасьюшка ёго не слушаёт,
Митреяновна итти не думаёт.
Он крыцял-зыцял да во второй након:
«Уж ты выйди-тко, Настасья, из бела́ шатра,
Ты подай-кось, Настасья, мне булатной нож;
Уж мы сколём у Идолишша цёрны гру́ди,
Уж мы вынем у Идолишша да серьцё с пеце́ньею».
Ишше тут Настасьюшка его не слушаёт,
Митреяновна итти не думаёт.
Он крыцял-зыцял да во третéй након:
«Уж ты выйди-тко, Настасья Митреяновна,
Уж ты выйди-тко, Настасья, из бела шатра,
Ты подай-косе, Настасья, мне булатной нож,
Уж мы сколём у Идолишша цёрны́ груди».
Тут Настасьюшка его не слушаёт,
Митреяновна ити не думаёт.
Как зьбивалсэ Идолишшо к молодцю да на белы груди,
Он крыцял-зыцял да зысьным голосом:
«Уж ты выйди-тко, Настасья, из бела́ шатра,
А подай-косе, Настасья, мне булатной нож;
Уж мы сколём у молодця белы́ груди,
Уж мы вынём у его серьцё со печенью».
Выходила тут Настасья из бела́ шатра,
Она брала Настасьюшка булатной нож;
Оне скололи у молодця белы́ груди,
Уж и вынели у его серьцё со печенью,
Роскинали взели на вси стороны.
Тут летит зьмея, да зьмея лютая,
Как несёт вина да полтора ведра,
Полтора ведра да зелья лютого.
Подносила Идоллишшу проклятому;
Выпивал тут Идолишшо да на единой дух, —
Пропадал тут Идолишшо да во единой цяс.
Тут спрогóворит Настасья Митреяновна:
«От того я берéжку откачнуласе,

Ко другому бере́жку не прикачнуласе!»
Тут садилась Настасья на добра коня,
Она поехала Настасья во цисто полё,
Во цисто полё поехала поляковать.

Записана А. В. Марковым в с. Ворзуге на Терском берегу Белого моря от М. Ф. Приданниковой.